

Детектив-экшен

Алексей Лебский
Дело Хальворсена

«ИП Каланов»

2020

Лебский А. Ю.

Дело Хальворсена / А. Ю. Лебский — «ИП Каланов»,
2020 — (Детектив-экшен)

В собственном доме зверски убит известный норвежский художник, профессор Хальворсен. Полицейский следователь Адриан Якобсен приступает к выяснению всех обстоятельств дела, а внук Хальворсена Мартин начинает собственное расследование. В основу сюжета положены подлинные исторические факты, но действующие лица вымышленные.

© Лебский А. Ю., 2020

© ИП Каланов, 2020

Содержание

Пролог	6
Раздел 1	7
Раздел 2	10
Раздел 3	12
Раздел 4	16
Раздел 5	23
Раздел 6	27
Раздел 7	31
Раздел 8	35
Раздел 9	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алексей Лебский Дело Хальворсена

©Алексей Лебский 2020

Пролог

Апрель 1940

Ночь, ураганный ветер, снег. Под ногами скользкая грязь. Люди в плащ-палатках с перегружают опечатанные тяжелые ящики с грузовиков на поезд. Люди страшно устали, но охрана торопит, нет ни одной лишней минуты. Нужно успеть до налета авиации, все происходит в темноте с соблюдением особой секретности. Лишь редкие всполохи в небе и фонарик охранника освещают стоящий в темноте поезд.

– Сколько еще осталось, лейтенант?

– Десять, давайте быстрее, я уже слышу их моторы. – Нас только четверо. Могли бы помочь.

– А охранять вас кто будет? Мы не можем оставить пост. Не положено!

Паровоз дает короткий тревожный гудок, время на исходе.

Наконец все погружено и поезд трогается. Грузовики медленно разворачиваются и покидают станцию. Мессершмитты с неровным гулом уходят на восток.

Раздел 1

Мартин

Мартин привстает в кровати и выглядывает в окно.

Этот человек, который сейчас войдет в дом – его дед, доктор философских наук – Оскар Хальворсен.

На нем зимняя шапка и старомодное серое пальто с воротником из овчины.
Он ходил с утра в булочную, и из его сумки выглядывает французский батон.

Вот Хальворсен проверяет почтовый ящик, достает оттуда газеты и конверты, открывает калитку, слышен скрип, он отряхивает снег и направляется к двери.

Сейчас он скажет: – что, валяешься до сих пор бездельник? Мартин забирается под одеяло и делает вид, что спит. Так хорошо подремать в эти утренние часы! Ему никуда не надо торопиться в эту субботу.

Шаги в коридоре все ближе, дед переобувается и входит в комнату, он быстро подходит к постели, сдергивает одеяло и растирает мальчика снегом!

– Что, до сих пор дрыхнешь! А ну, подъем, бездельник!

Мартин с криком убегает в ванную комнату.

Потом они с дедом завтракают за длинным дубовым столом. Он своими огромными руками нарезает хлеб, а Мартин исследует содержимое большого холодильника, достает ветчину, молоко, сливочное масло и свой любимый персиковый мармелад.

– Представляешь, Марти, – начинает дед, – эти американцы, мои студенты, на завтрак едят тосты с арахисовым маслом. Ни за что не стал бы есть подобную гадость.

– Что ты удивляешься, это американцы! Они без бургеров и куриных крылышек своей жизни не представляют.

Молодой человек намазывает хлеб маслом, а сверху покрывает толстым слоем мармелада.

Кофейная машина шипит, и в кухонном пространстве разливается аромат “лаваццо”.

Этот дом в Осло перешел к деду в наследство от его отца, судьи Харри Хальворсена. Дед не стал юристом, как прадед Мартина, после войны он продолжил обучение в университете на Карл-Юхансгате, защитил диссертацию по исторической живописи и написал несколько книг на эту тему. А вот Мартин Хальворсен станет юристом, и продолжит дело Харри. У него уже почти готов дипломный проект, и, хотя он несколько не представляет, чем придется заниматься в последующей жизни, настроен весьма позитивно.

В доме, где все это происходит два этажа и большой чердак, который Мартин обожает. Оттуда открывается отличный вид на парк и есть старое кресло, в котором можно коротать время с книжкой. Раньше у деда здесь была мастерская, он рисовал пастелью и маслом. Об этом свидетельствует дощатый пол, в одном месте густо заляпанный сиеной, кармином и умброй. В молодости он даже рисовал натурщиц, но в его жизни появилась бабушка Ребекка, и дед перешел на копии прерафаэлитов и пейзажи. Чаще всего пейзажи повторяли вид на парк из окна.

Раньше дед курил трубку, но и это пристрастие пришлось со временем оставить.

Ниже, на втором этаже разместилось несколько спален, ванная комната, прачечная и кабинет деда. Модные полосатые обои взлетали по стенам вверх на целых три с половиной метра и упирались в изысканные лепные потолки с розочками по углам.

На первом этаже кухня, гостиная, маленькая комната Мартина с окном на Хольтегата кладовая, и еще одна ванная. Стены в гостиной отделаны светлым дубом, а потолок – голубым ситцем с цветочками. Это бабушкина причуда, впрочем, не лишенная хорошего вкуса. Комнату украшают три картины в резных золоченых рамах. Две из них принадлежат кисти деда и являются пейзажами, третья картина – портрет прадеда Харри работы Вереншёлля. Сидя в большом кожаном кресле перед окном, Харри сосредоточенно смотрит куда-то вдаль. Его мужественные ноздри слегка раздуты, тонкие губы сжаты, высокий лоб полон государственных дум. Портрет написан крупными размашистыми мазками, но удивительно живо. Цвета картины светлые, наполненные энергией солнечного света.

Ванная комната просторна и светла, пол крупной голубой испанской плитки, ванна с массивными бронзовыми кранами в виде слоников. Здесь стоит котел, обогревающий квартиру, поэтому мыться всегда тепло.

В соседней с ванной кладовой хранится запас продуктов, не нуждающихся в холодильнике, сахар, крупы и разные банки с консервами в огромном количестве.

Сейчас Мартин у деда в гостях, хотя у него есть своя квартира в Бергене, доставшаяся от отца. Но об отце потом.

Они доедают свой завтрак.

– Допивай свой кофе, и пойдем в кабинет, у меня к тебе разговор.

Они идут на второй этаж, сначала дед, а за ним по лестнице поднимается длинный нескладный внук.

– Я тут получил приглашение от ребят, на этой неделе исполняется пятьдесят лет славной истории начала совместной борьбы с гитлеровцами. Я приглашен на торжественную встречу в Лондон. Помнится, отмечали двадцать пятую годовщину в Осло, когда ты был еще в животике. Так что скажешь? Отпускаешь деда? Он достал фирменный конверт с приглашением. Конечно, уже мало кто остался в живых.

– А что я, за домом присмотреть? Так ведь, Магда приходит три раза в неделю.

Магда – горничная и экономка в одном лице. Ей 55 лет, она польского происхождения, очень набожная, и очень властная. Мартин побаивается ее, да и дед, кажется, тоже. Магда любит порядок, и, убирая за ними оставленные не на месте предметы, делает суровое лицо и ругается по-польски. Дед отстоял чердак, строго настроив этой прагматичной женщине его посещение и наведение там порядка. Это их с Мартином приватная территория, объяснил он, а в остальных местах она может раскладывать папки и книги по своим местам, ставить в стаканчики разбросанные по столу ручки и карандаши сколько угодно. А еще полька прекрасно готовит все что угодно, а на праздники даже печет пироги. Походы в рестораны у Магды считаются развратом и бессмысленной тратой денег. Но сегодня она отсутствовала, и выходные дни в этом доме принадлежали внуку.

– Давно я не летал самолетом, – дед поскреб седой жесткий ежик волос, – ну да, ладно, с ребятами надо увидеться. Думаю, в последний раз, иначе и случая не будет.

– А ты на один день, дед?

– Скорее на три, первый день займет дорога и размещение в гостинице Виндзора, во второй, собственно, пройдут торжества и банкет. Даже билеты заказаны туда и обратно. Вылет

послезавтра. Все устраивает лондонский коммерческий банк “Кори”. В аэропорт ты меня уж отвези, ну а на обратном пути я возьму такси.

Мартин взял в руки конверт и внимательно изучил билеты первого класса в Лондон, гостиничный буклет и красочный бланк приглашения, подписанный управляющим банка. Вылет из аэропорта Гардермуэн в 10:40.

Раздел 2

Берген

Мартин сидел на кухне и на маленьком экране переносного телевизора смотрел канал “Живая планета”. Шла передача из жизни черепах. Шустрые черепашата, преодолевая дюны, неслись к родной среде, морю, а разные злые хищники норовили поживиться ими. Становилось скучно, он ждал, когда освободится Анна, и они будут вместе заниматься его дипломной работой. Анна закончила университет в прошлом году, сейчас ей удалось найти работу, и девушка в период испытательного срока старается проявить себя наилучшим образом. Звонок в дверь раздался только через час. Это его подружка. Она поцеловала Мартина несколько отстраненно, чтобы не испортить макияж и прическу, и, оставив куртку, зонт и обувь в прихожей, прошла на кухню.

Она не была яркой красавицей, но сейчас выглядела отлично. И одеваться стала так стильно! Работа с клиентами вынуждает так выглядеть. Мартин залюбовался ее новой стрижкой каре и тонкими линиями бровей.

– Да, представляешь, сегодня мы заключили тысячный договор на поставку нашей продукции. Как твой дед, уже приехал?

– Звонил из аэропорта, что нормально долетел, что не выспался, и будет домой добираться на такси. Кофе будешь пить?

– А чего-нибудь перекусить в этом доме не найдется? Я даже на обед сегодня не выходила.

– Есть равиоли со шпинатом, половина сырного пирога, маффины позавчерашние.

– Ох, Мартин, девушка заглянула в кладовку, – у тебя даже ни одной картофелины в закромах нет. Как ты живешь? Давай уж свой пирог.

– Прости, я совсем не спец насчет готовки. Картофель фри жарить не умею. Он достал коробку с пирогом и консервную банку с равиолями, открыв ее за кольцо, вывалил серое содержимое на сковородку и стал разогревать.

Анна, запустив руку в свою сумку, извлекла бутылку красного вина.

– Вот, это ты здорово придумала! Ух, “Торрес”, вкусное, наверное.

– У меня сегодня был удачный день, начальник меня похвалил, клиенты ушли довольными. Мой шеф считает, что дела фирмы, с тех пор, как я стала стажироваться, пошли на лад. Давай, уже чего-нибудь съедим, а то я такая голодная, что могу тебя покусать.

Он достал два высоких бокала, придирчиво осмотрел, сунул их под кран, аккуратно вытер и разлил вино.

– Я начинаю уже ревновать тебя к твоему боссу.

Равиоли из банки оказались невкусными, к тому же начинка из них норовила вывалиться на пол. Анна, стройная, тонкая, устроилась в кресле и подняла бокал.

Раздался телефонный звонок.

– Это дед.

– Марти, я дома, быстро добрался на такси. У меня тут Магда, она ждала меня с ужином.

– Как твои ребята, интересно было?

– Старенькие все. Старше меня многие. Привет тебе от Сары Митков и старика Беренджера.

– А этот, его, приемный сын был?

– Да, Юхан тоже был. Важный дядька стал. Хорошо повеселились, виски был хороший, односолодовый. Ну, все, меня зовут, говорят, ужинать подано.

– Магде привет, а мы тут с Анной тоже ужинаем, а потом дипломом займемся. Как смогу приеду, и ты мне все расскажешь, – он повесил трубку, и примостился на спинке кресла рядом с девушкой.

– За твою удачу.

Вино оказалось мягким и бархатистым, с едва заметной горчинкой и нотками ежевики. Каталонские братья свое дело знали.

Перекусив, молодые люди с переменным успехом доделали начатую Мартином главу об истоках коррупции, поправили разные нестыковки, и перепечатали пару страниц начисто. Наступил вечер. Они оделись и вышли на улицу, шел снег с дождем. Он предложил зайти в кафе на Конгс-Оскар-гате, но Анна отказалась и заторопилась домой. С утра ей снова на работу, а бездельник Марти еще сможет подремать до десяти утра.

Вернувшись домой, он почувствовал, что ужасно голоден, и, хотя было поздно для еды, заказал по телефону большую пиццу “Маргарита”, доставщик прикатил к его дверям на мотороллере через десять минут. Почему он не догадался сделать это пару часов назад?

Марти съел пару кусков и допил остатки вина. Было уже девять вечера. Он включил телевизор, шло дрянное ток-шоу с криком и руганью, на канале живой природы черепашки сменились крокодилами и акулами. Он еще пощелкал пультом – на другом канале какой-то безумец заигрывал с ядовитыми змеями.

Усталость начала брать свое, он выключил телевизор, погасил свет на кухне, и отправился спать. Проходя через гостиную, он ощутил легкий аромат туалетной воды Анны и улыбнулся.

Он лег в кровать, но долго не мог заснуть, думая о девушке. Она хороша, даже слишком для такого долговязого и нескладного парня как он. Ладная, спортивная, практичная во всем. Девчонки, которые появлялись у него до нее казались совершенно несерьезными, а секс с ними был третьесортным. Может, Анна терпит его, как сироту из жалости? Он что-то слышал от психологов о “материнском начале” в отношениях между мужчиной и женщиной. Нет, все это глупости.

Потом его мысли прояснились и переключились на дипломную работу. Правильно ли он раскрывает тему. Достаточно ли фактов приведено в главе об истории коррупции? Он долго ворочался с боку на бок, и только в первом часу ночи заснул.

Раздел 3

Якобсен

На работу полицейский следователь Адриан Якобсен приходил несколько раньше остальных. Если удавалось застать Ленни или Гуннара, можно было потрепаться о предстоящем чемпионате мира по хоккею, или сыграть партию в шахматы до прихода шефа, который имел обыкновение задерживаться по понедельникам и четвергам.

– Наши проиграют американцам, вот увидите, настаивал Ленни. Может, с финнами больше повезет.

– Русские разделают нашу команду, как бог черепаху. Они, конечно, по-варварски играют, но сильны, пока еще и даже очень. – уверял Адриан. Я бы поставил пятьсот крон на то, что они нас всухую высадят.

Тут разговор прервался, так как раздалась трель интеркома.

– Якобсен слушает.

– Дежурный Бригге. Только что принят звонок от доставщика молочных продуктов с улицы Хольте-гата. В доме профессора Хальворсена обнаружен труп, кроме того, экономка профессора Магда Желевска была связана скотчем, и сейчас находится без сознания. Молочник уже вызвал скорую и ожидает прибытия полиции.

– Это все?

– На текущий момент это все, каких либо подробностей нет, господин Якобсен.

В это время в комнату вошел Гуннар. – У нас убийство. Экспертов на выезд.

Из-за стеклянной перегородки Якобсену уже махал рукой инспектор Торгвальд, неизвестно когда и каким образом материализовавшийся в своем кабинете. Эта его способность незаметно появляться не раз доставляла неприятности сотрудникам отдела тяжких преступлений. Эйрик Торгвальд заставлял их за играми в “принца Персии”, поеданием торта в рабочее время или просмотром спортивных передач. Женщины отдела – уполномоченный Марика Андерсен и старший констебль Хильде Робертсон побаивались шефа. Первая попалась ему на глаза за вязаньем, вторая не успела вовремя убрать со стола зачитанный до дыр бестселлер “Королек – птичка певчая”. Но надо сказать, характер у Торгвальда был не особо жесткий, а с женщинами он старался быть галантным.

– Слушаю шеф, – Якобсен вошел в “аквариум” инспектора.

– Дело чрезвычайной важности. Хальворсен это... Начальнику управления уже звонил премьер.

Расследование поручено тебе, привлекай всех, кого считаешь нужным, главное, сейчас, по горячим следам найти зацепку. Работайте.

– Слушаюсь, шеф, выезжаем на место.

Обогнув заваленный снегом парк Ураниенборг, микроавтобус криминалистов и хонда Якобсена остановились на Хольте-гата. Особняк из красного кирпича, машина молочника и скорая помощь лучшим образом обозначили место происшествия. Журналисты еще не пронюхали, но это могло произойти с минуты на минуту.

Надев бахилы, Адриан вошел в дом в тот момент, когда санитары выносили на носилках экономку Хальворсена. Врач скорой помощи сразу заявил, что Магда в плохом состоянии, у нее сильный шок, и допрашивать ее нельзя.

– Так приведите её в нормальное состояние. Похоже, только она видела и слышала что-то.

- Мы пытались, он приходила в сознание ненадолго, но снова заснула. Это шок.
- И сколько времени может продлиться такое состояние?
- Может быть, несколько часов, или сутки. Все зависит от того, что пережила эта женщина. Ей ведь могли и вколоть что-то, это не исключено.
- Ленни, отправляйся в больницу со скорой. Если Магда заговорит, дай знать и запиши на диктофон. Вызови констебля для охраны. Она для нас сейчас самый важный свидетель.

Уже войдя в прихожую Якобсен услышал, как по жестяной крыше крыльца застучал дождь.

В гостиной царил ужасный беспорядок. Оскар Хальворсен сидел в кресле с обнаженным торсом, и руки его были привязаны к подлокотникам серебристым скотчем. Икры ученого преступники намертво притянули этим же скотчем к ножкам кресла.

Пальцы рук Хальворсена являли собой страшное зрелище. Профессора пытали, ему загнули под ногти иголки, несколько пальцев сломали.

На груди виднелись ожоги всех степеней. Его жгли сигаретами, сигарами и, как засвидетельствовал эксперт-криминалист Нюквист, переносной газовой горелкой. В районе ключицы мясо было прожжено до кости.

Письменный стол профессора зиял пустыми глазницами выдвинутых ящиков. Все бумаги были разбросаны по полу, от органайзера осталась только упаковка, календарь разорван в клочья.

Телефонный аппарат валялся на полу, но к удивлению Якобсена, не был отключен. После того, как Нюквист снял с него отпечатки пальцев, Адриан поднял трубку и нажал повтор последнего звонка. После пятого гудка на том конце включился автоответчик:

- Вы позвонили в квартиру Мартина Хальворсена, после сигнала оставьте сообщение. Следователь повесил трубку.
 - Гуннар, выясни, что это за номер, и кто такой этот Мартин Хальворсен.
- В кабинете на втором этаже преступники перерыли все и оставили после себя пепел сигарет и пустой спичечный коробок. Следы ног нечеткие, ночные гости работали в бахилах. Отпечатки пальцев отсутствуют.

Гуннар покинул дом и вышел на блестящую от дождя Хольтегата.

Ближайшим оказался трехэтажный дом на другой стороне улицы. Первый этаж занимали офис страхования и мастерская по ремонту бытовой техники.

Он прикинул, из каких окон жильцы могли видеть происходящее, поднялся на жилой этаж и позвонил в квартиру номер один. За дверью послышались шаги.

Не дожидаясь вопросов Гуннар заявил:

- Криминальная полиция! Откройте, – и поднес к дверному глазку свое удостоверение. Загремела цепочка и дверь приоткрылась.
- Чем обязаны? – на пороге стояла дама лет шестидесяти с сигаретой. Ни днем, ни ночью покоя нет.
- Гуннар Арвиг, полицейский уполномоченный. Могу я пройти?
- Сделай милость, – дама слегка отодвинулась, отстранив руку с сигаретой.
- И кто же покоя не дает?

– Мы привыкли, что здесь рядом с парком ночью довольно тихо. Но вчера, как только стемнело, начались проблемы. Сначала, это было часов в 9 вечера, хозяин привез в мастерскую несколько стиральных машин. Он с помощником выгрузил их в мастерскую со страшным гро-

хотом. Потом в сторону Ураниенборг-веен проехала кавалькада мотоциклистов с флагами. А часов в десять вечера на улице появился серый сааб.

– Ну и что?

– Я как раз выходила на балкон снять белье. Сааб остановился за углом того дома, – она показала на краснокирпичный дом, я видела, что он стоял. В нем еще стереосистема работала громко, знаешь, как молодежь любит: – Ух, ух – басы на весь парк.

Они потом выключили музыку, но не уехали, словно кого-то ждали. Было бы слышно, если бы машина уехала. Я больше не выглядывала, на балкон, вечером похолодало.

Мы с мужем рано встаем, ему на работу в мэрию, но еще раньше нас разбудил этот сааб. Они грохнули дверями, а потом с визгом стартовали, и понеслись как угорелые. Знаете, мне еще показалось, что с глушителем у них не все в порядке. Но музыку они не включали.

– В какую сторону?

– Видеть не видела, но слышала, как они проехали мимо нашего дома на север.

– А с чего ты взяла, что это был тот же сааб?

– Ну уж легковой автомобиль от микроавтобуса молочника я по звуку отличу, господин уполномоченный. Правда, я не выглядывала и номер машины не видела, и зачем он мне? И точное время не помню.

– Вспомни, это важно. А мастерская во сколько открывается?

– Понятия не имею. Никогда не обращалась. Да, а та легковушка проехала в шестом часу, минут в двадцать.

Гуннар записал все услышанное в блокнот и откланялся:

– Спасибо, фру...

– Мона Кравес.

– Спасибо, фру Кравес. Это была полезная информация. Пожалуй, я пойду.

Гуннар поднялся еще на этаж, и позвонил в третью и четвертую квартиру, но хозяев дома не оказалось, ничего удивительного, рабочий день был в разгаре. На улице он столкнулся с щеголеватого вида мужчиной в длинном темно-сером кашемировом пальто. Господин только что вылез из мерседеса и торопливо направился к парадному.

– Полиция Осло, уполномоченный Арвиг. Ты из этого дома?

– Да, а что, – удивился господин. Мэтр Бауэр, адвокат.

– Можно я все же пройду?

– Во вторую квартиру?

– Да, во вторую, дайте пройти.

– Господин Бауэр, у меня есть несколько вопросов.

– У меня очень мало времени, я хочу захватить из квартиры папку с документами и срочно ехать к клиенту.

– Ты был дома вчера вечером между 20 часами и полночью?

– Меня что, в чем-то подозревают?

Гуннара этот щеголь начал выводить из себя.

– Меня интересуют некоторые подробности вчерашнего дня. Я могу вызвать тебя повесткой в управление.

Бауэр смягчился.

– Да, конечно, но лучше пройдем в квартиру, не будем же мы говорить здесь на лестнице.

Они поднялись в квартиру номер 2, и Бауэр предложил полицейскому пройти на кухню.

Гуннар обратил внимание, что квартира была переоборудована в студию. Кухонное хозяйство номинально присутствовало и сияло девственной чистотой, вряд ли чем-то кроме

кофейной машины тут когда-либо пользовались. Стандартной перегородки, как в других квартирах не было, и зона приема пищи плавно перетекала в остальное пространство. Выложенные полированным камнем полы, в середине комнаты переходили в дубовый паркет. В глубине комнаты размещалась грандиозная кровать круглой формы, навевавшая фривольные мысли. Из окна улица частично просматривалась.

– Я не ночевал сегодня дома. Бауэр смутился, – я был в гостях у женщины, и остался на ночь у нее.

Надеюсь, моего объяснения достаточно?

– Господин Бауэр, вопрос серьезный, на всякий случай мне нужен адрес этой дамы. Я постараюсь соблюсти конфиденциальность.

Бауэр неохотно сообщил Гуннару адрес, потом схватил со стола свою папку с документами, и они вместе покинули дом.

Арвиг оценивал полученную от Моны Кравес информацию, но ясности пока было мало.

В доме Халверсона эксперты уже заканчивали работы.

– Время смерти можешь сообщить, ну хотя бы приблизительно, – приставал Адриан.

– Около пяти утра, плюс-минус час. Вероятно, сердце не выдержало, – сказал Нюквист, я подозреваю инфаркт, но точнее можно будет сказать после вскрытия. Для своего возраста он еще долго продержался под пытками. Ты сыну сообщил? Там на холодильнике открытка с номером телефона.

Журналисты приехали все же раньше, чем хотелось. Тело Хальворсена едва успели поместить в пластиковый мешок. С порога корреспондент “Верденс Ганг” начал снимать прихожую, корреспонденты пытались прорваться дальше в дом, но Якобсен не пустил их.

– Подождите несколько минут, господа, вы мешаете нам работать.

–”Афтенпост”, вы можете прокомментировать, что явилось причиной гибели Оскара Хальворсена?

Мы слышали о ночном нападении на дом.

– Без комментариев, – Адриан начал выходить из себя, – позднее мы все расскажем вам на пресс-конференции.

– Наши читатели знали и любили Оскара Хальворсена, несомненно, он весьма значимая личность в Норвегии, – напирал “Верденс Ганг”, дайте нам какую-нибудь информацию!

– Без комментариев!

Два констебля с носилками с трудом пробрались сквозь толпу шелкающих фотоаппаратами “падальщиков”, как их называл Гуннар, и загрузили труп в микроавтобус экспертов. Тело отправилось в полицейский морг и следователи остались в доме вдвоем.

– Что тебе удалось узнать от соседей?

Гуннар пересказал сведения, полученные от Моны, Адриан выслушал его с интересом и еще раз набрал номер Мартина Хальворсена.

– Нельзя оставлять без внимания третью и четвертую квартиры. В ближайшее время наведайся туда. Алиби Бауэра проверь, можешь послать Хильде Робертсон заняться этим благодарным делом.

Раздел 4

Мартин

Первый телефонный звонок Мартин пропустил. Он проснулся, но подняться не смог, – привычка валяться под одеялом по утрам пересилила. Сработал автоответчик, но сообщения не последовало, лента крутилась впустую.

Наконец, Мартин поднялся и умылся. Он долго расчесывал перед зеркалом длинные непослушные волосы, потом влез в черные джинсы, с трудом отыскал нужный джемпер на вешалках в шкафу. Если бы не его педантичная подруга, этот предмет одежды валялся бы где-нибудь в комнате на стуле, и был бы под рукой, так нет же, надо было его спрятать в шкафу!

Потом позвонила с работы Анна:

– Ты там занимаешься? У тебя только месяц до защиты. Я хотела тебе сказать, что сегодня не приду, у бабушки день рождения, и она пригласила нас с матерью. Ты уж сам разберись с главой про мотивацию. И купи себе продуктов. Все, работа ждет, пока.

Счастливая, – подумал Мартин. Она уже разбирается в своей работе, знает, чего хочет, а он тут диплом никак без посторонней помощи не осилит. Что уж говорить о завтрашнем дне, тут ясности никакой, полный мрак. Тут телефон снова зазвонил.

– Анна, это снова ты?

На другом конце возникла заминка.

– Мартин? Это квартира Мартина Хальворсена?

– Да.

– Полиция Осло, следователь Якобсен. С Оскаром Хальворсеном случилась беда. Тебе надо приехать, Мартин.

– Что случилось с дедом?! Он жив?

– Увы, Мартин, твой дед скончался сегодня рано утром. На его дом совершено нападение. – Разве он был в доме один? Почему Магда мне не позвонила?

– Все это сложно объяснить. Ты сможешь выехать в Осло прямо сейчас?

– Да, конечно. Мартин посмотрел на часы. Он еще успеет на 45-ый поезд, если поторопится.

– Хорошо, вечером я приеду на Хольте-гата около девяти. Дверь, дом охраняет констебль, ключи у него. Он будет ждать тебя, когда приедешь, зайди в дом и жди меня. В настоящее время твой дед в морге, подробности при встрече. Твоему отцу мы сообщили. Тут на холодильнике лежит открытка с его адресом.

– Да, это от него, я все понял, выезжаю.

Но он ничего не понял. Как могло случиться, что деда не стало?

Мартин включил телевизор и выбрал первый новостной канал Осло. В конце блока новостей, в разделе происшествий было сообщение на фоне снимков парка, Хольте-гата и дома его деда:

“Сегодня в собственном доме скончался видный политический деятель Норвегии, участник сопротивления, доктор философских наук Оскар Хальворсен. Причиной смерти послу-

жило нападение на его дом неизвестных лиц. Ведется следствие” В конце информационного сообщения на экране дали большой фотопортрет деда времен семидесятых годов. На нем дед широко улыбался. Это фото он хорошо знал, на заднем плане просматривались кусты парка и колонны королевского дворца.

Никакой информации о Магде, странно. Она же была в доме.

Далее последовал прогноз погоды, не предвещавший для Бергена ничего хорошего в ближайшие дни.

Мартин взял с собой водительские права, карточку “American express”, около восьмисот крон наличными, оделся и вышел на улицу. Стояло тихое утро, дождь и снег прекратились ночью.

Солнце изредка пробивалось сквозь тучи над Флойен.

Слезы наворачивались на глаза, он никак не мог осознать произошедшего. Дед убит. Оскара Хальворсена больше нет. Он теперь остался совершенно один. Надо было бы перезвонить Анне, но возвращаться домой не хотелось. Ничего, он позвонит ей из Осло. Молодой человек устремился к вокзалу по Конг-Оскарс, за старым госпиталем свернул в Штрёмгатен, и скоро был на месте. Мартину едва хватило времени купить билет и успеть заскочить в поезд. Двери за ним тут же закрылись. Он прошел в вагон, народу было немного, и Мартин выбрал себе место у окна по ходу поезда.

Ну вот, теперь часам к восьми вечера буду на месте, – подумал он и привычно посмотрел на руку, – вот черт, я забыл дома часы!

Поезд тронулся и покинул своды вокзала.

Что будет дальше? Он думал о том, что деда надо будет хоронить, Мартину никогда еще не приходилось заниматься похоронами. Когда умерла Ребекка, он был еще маленький, и отец не взял его с собой в Осло. Но есть же похоронные службы, в конце концов.

Прошел час, и еще один. Поезд с крейсерской скоростью приближался к Упсете, когда Мартин вспомнил свой последний завтрак с дедом, и то, что сегодня он даже кофе с утра не выпил. Тут же засосало под ложечкой. Около 12 часов по вагону проходил разносчик еды, и он купил у него большой бумажный стакан кофе и сэндвич. Кофе оказался отвратительным несмотря на свою безумную стоимость, а сэндвич, вероятно, всю ночь провел в холодильнике, так что жуя его, Мартин вздрагивал. Впрочем, все это было не так важно по сравнению с утренним известием.

В Упсете, где “сорок пятый” стоял недолго, в вагон вошел немолодой священник с черным кожаным портфелем. Он занял одно из пяти свободных мест рядом, и развернул “Афтен-пост”.

Мартин сразу же увидел портрет деда на первой полосе и заголовок “Скончался в собственном доме”. Пастор сидел далеко от Мартина, и прочесть что-либо было невозможно. Он успел разглядеть только “при загадочных” и “гражданка Польши Желевска доставлена в тяжелом состоянии...” Священник свернул газету и положил на сиденье рядом, затем достал из портфеля пластиковую бутылочку с водой и коробку с бутербродами. Мартин отвел взгляд, потом откинулся в кресле и попытался заснуть. Мерное покачивание и постукивание привели его в состояние полудрёмы.

Никогда в этом поезде ему не удавалось поспать как следует. И сейчас тревожное состояние не давало ему расслабиться. Время тянулось бесконечно долго, они проехали еще несколько станций. Он открыл глаза, и уставился в окно. Великолепные горные виды, еще не совсем освободившиеся от снега луга с пробивающейся зеленью, разгорающийся яркий день, – ничто не выводило Мартина из состояния тревожной пустоты. Он не помнил, чтобы так переживал по поводу ухода из семьи матери или отъезда отца. Мать, его, Сильвия покинула их,

когда мальчику исполнилось четыре года. Сейчас она с новым мужем, процветающим шведским предпринимателем и живет где-то в Сконе. Сильвия в памяти Мартина осталась ярким красивым мазком, и только. На чердаке висела картина, на которой она в красном платье с маленькой собачкой на коленях сидит на веранде в саду. Осень, на перилах несколько рыжих яблок. Дед тогда увлекался импрессионистами, и работа получилась в стиле Арно или Сорольи. Он даже выставлял эту картину, и она получила хорошую оценку критиков. Пять лет назад его отец, Геден Хальворсен, женившись во второй раз на женщине из Азии, по словам деда, “остатки разума потерял”. Дед всегда встававший на сторону Сильвии сильно осуждал его, они ругались при каждой встрече, в результате чего, он на все лето забрал Мартина в Осло, а отец, не в силах более терпеть все это, покинул Берген и обосновался на юге Австралии, родине новоиспеченной миссис Хальворсен. Отец работал программистом в компании IBM и оформить перевод в австралийское отделение ему не составило труда. Он писал Мартину в первое время и изредка звонил, а потом сильно погрузился в работу, и его общение с сыном в последнее время ограничивалось денежными переводами. Оскару Хальворсену за прошедший год от него пришла лишь одна открытка, та самая, которую упомянул следователь. Дед сильно переживал, винил себя за разрыв с сыном, но что-то исправить не мог.

Мартин попытался вспомнить последний разговор с дедом и представить ход событий последних суток:

1. 2. 3.

Дед вылетает из Лондона в Осло.

Приземляется в Осло утренним рейсом, звонит Мартину, берет такси.

Прибывает на Хольте-гата в шестом часу вечера

4. Звонит Мартину, сообщает, что он дома и Магда готовит ему ужин

5. Далее происходит нападение на дом.

6. Дед погибает, Магда доставлена в госпиталь

Пятый пункт могли теперь прояснить только сотрудники полиции Осло, ведущие расследование.

Поезд по расписанию прибывал на платформу Централ в Осло. Накинув куртку, Мартин нетерпеливо ждал полной остановки вагона.

Такси доставило его к дому деда в половину восьмого. Констебль, ожидавший его в автомобиле около парадного, покинул машину и вместе с Мартином вошел в дом. Этот грузный человек лет пятидесяти сразу назвал ему свое имя и должность, и предложил дожидаться полицейского следователя Адриана Якобсена, который должен прибыть с минуты на минуту.

– Сынок, – сказал констебль, – ты тут пока осмотрись, но до прибытия следователя, пожалуйста, ничего не трогай и порядок не наводи. Он так просил. Я подожду на улице в машине, окей?

Мартина пробрала дрожь. Он ничего не ответил, поднялся по лестнице на второй этаж и оперся на перила. Главная люстра была выключена, горели только боковые светильники. Он щелкнул выключателем, и комнату залил спокойный свет. Вид на гостиную сверху был угрожающим. Дверки письменного стола раскрыты, ящики вынуты и все их содержимое лежало на полу. Вокруг кресла разбросаны куски серебристой клейкой лентой, какой обычно заклеивают картонные ящики с товаром в магазинах. Стекла шведской этажерки выдвинуты, книги из нее лежат рядом на полу горой. Встроенный в стену сейф открыт, закрывавшая его от посторонних глаз одна из картин деда, снята и приставлена к стене внизу.

Он услышал звук ключа, поворачивающегося в замке и шаги в коридоре, после чего в гостиной показался невысокий плотно сбитый человек лет сорока пяти в сером плаще. Волосы его, прикрывая наметившуюся лысину, были по-старомодному зачесаны назад, в руке он держал объемистый портфель из коричневой кожи.

Глянув на лестницу, незнакомец произнес:

– Будем знакомы, ты, я полагаю, Мартин?

– А-а, полицейский следователь?

– Адриан Якобсен, – представился тот. Давно меня ждешь? Спускайся вниз, попробуем разобраться с некоторыми фактами.

Они устроились на диване в гостиной.

– Я тут около получаса. В себя прийти не могу, что тут произошло?

– Я постараюсь объяснить, но мне понадобится твоя помощь. Я навел справки, ты живешь в Бергене и заканчиваешь университет, верно?

– Да, уже работаю над дипломом, герр следователь, что я должен делать?

– Ты когда последний раз был в этой квартире?

– Около недели назад, несколько дней гостил, – Мартин посчитал, загибая пальцы, четыре дня.

Потом проводил деда в аэропорт, он вылетел в Лондон, на встречу друзей. Я видел приглашение и билеты. Я воспользовался его “амазоном”. Он, хоть и старенький, а в порядке. Потом вернулся, поставил его в гараж, и уехал к себе на поезде. К утру был дома, вот.

– Да, насчет Лондон мы в курсе. Это вызывает особый интерес, так как именно по прибытию оттуда все и произошло. Давай по порядку. Я хотел бы знать, что пропало в этом доме? Насколько я понимаю, ты тут с детства все знаешь.

– Знаю, – буркнул Мартин, – а мне деда когда для похорон отдадут? Он ведь в морге, да? Как мне быть со всем этим? Насчет того, что пропало, надо осмотреться.

– Да, Мартин, ты должен был бы съездить со мной в морг для опознания, но в данном случае я договорился с шефом, и ты просто подпишешь бумаги. Тело привезут после вскрытия, об этом я сообщу тебе дополнительно. Что ж, начнем, я хотел спросить тебя о сейфе. Ты имел к нему доступ?

– Я никогда сам не открывал его. Он давал мне иногда немного наличных, но чаще пополнял мою кредитку через банк. Отец мне тоже переводит деньги на карту, но реже, сейчас он в Австралии.

Магда получала свою зарплату каждые две недели наличными. В этом сейфе пять дней назад я видел три пачки стокроновых купюр, несколько дорожных чеков и около тысячи долларов.

Сколько их было точно я не знаю. Доллары и дорожные чеки дед взял с собой в Лондон. Кроме денег в сейфе ничего не хранилось Код очень простой – его год рождения – 1912.

– Итак, в сейфе сейчас в целости только пять дорожных чеков, вероятно Хальворсен привез их обратно, не израсходовав. В бумажнике у него обнаружено десять фунтов, а в кармане плаща лишь несколько монет. Что-то пропало в доме из ценностей? Картины, ювелирные изделия?

– Бабушкины драгоценности я не проверял. Конечно, я всего не могу помнить, я их с детства не видел.

Они поднялись в комнату Ребекки. Шкатулка потемневшего от времени дерева стояла на месте, в нише под окном. Кольца, серьги, подвеска с крупными изумрудами, всякая бижутерия – все было на месте.

– Странно, что тут ничего не пропало.

– Воры иногда не хотят связываться с семейными драгоценностями, с ними и попать недолго.

Все эти вещи имеют свою историю. А вот, если есть деньги, то лучше и не придумаешь. Только грабители, я полагаю пришли сюда за чем-то еще.

– Органайзер жалко, он был совсем новый. Дед не успел даже понять, как им пользоваться.

Найдите негодяев, которые его убили. Как же все произошло, он сам открыл им дверь?

– Нападение случилось ночью, после 10 часов вечера. Входную дверь, вероятно, открыла Магда.

Причины нам пока неизвестны. Она получила травму, какую – мы обязательно выясним, затем была связана и закрыта в кладовке. Довольно долго она была без сознания и ничего не слышала.

В это время твоего деда привязали к креслу и пытали. Мы не знаем, что их интересовало. Как видишь, всю ночь они задавали ему вопросы, что-то искали и только около шести утра покинули дом.

– Откуда взялась такая точность? Были свидетели?

– Пока это только предположение. Свидетель видел около дома автомобиль сааб. Магда слышала громкую музыку. Это что-нибудь говорит тебе? Были ли у него знакомые, имеющие серый или серебристый сааб?

– Деда очень многие знали, особенно он был известен в пору его деятельности в парламенте по вопросам культуры и искусства. В нашем доме бывали в гостях известные артисты, композиторы, скульпторы, архитекторы.

Ни за что не поверю, чтобы они могли кого-то связать, вырубить, пытать. Возможно, у кого-то из них в гаражах стоит сааб, что из того?

– А как быть с товарищами по сопротивлению, помощниками из спецслужб времен сороковых годов? Ведь сразу после их посещения случилась эта трагедия. Существовала некая информация, которая стоила ему жизни. И эта информация была для преступников значительно дороже денег из сейфа. Думаю, их как бонус прихватили.

– Многие знали, что дед был в числе организаторов и исполнителей транзита золота и ценностей весной 1940 года. Он отлично выполнил задания короля и правительства, в противном случае утрата была бы обнаружена еще пятьдесят лет назад. Наверняка, в государственных архивах существуют накладные с подписями ответственных за перемещение лиц. Только одного золота было около шестидесяти тонн в виде монет и слитков вывезено из-под носа у гитлеровцев. Дед рассказывал, как немцы охотились за ним. Только им дырка от бублика досталась. Я курсовую работу писал на эту тему по истории, но использовал, так сказать, только верхушку айсберга, – материала там на несколько томов.

– Этот след мы тщательно проверяем. Тема очень и очень щекотливая. Кто сдал, кто принял? Какая роль была во всем этом отведена Хальворсену? Имелись ли какие-то сведения, которые не подлежали разглашению вплоть до наших дней?

– Не думаю, что таковые сведения были. Операции по вывозу ценностей разрабатывались правительством совместно с британской разведкой. Хокон умер в 1957 году, они общались с дедом после войны. Он многое мне рассказывал, но документы дома не хранил. Все

секретное скорее всего покоится в архивах британского экспедиционного корпуса и военно-морского флота.

– Давай посмотрим фотоальбомы, старые письма, открытки. Эти негодяи что-то искали тут, надо полагать, все свалено в этой куче?

– Нет, не все, еще на втором этаже и чердаке полно всего.

– А подвал в этом доме тоже имеется?

– Да, и подвал есть, но не думаю, что налетчики могли знать о нем. Кстати, он пуст, можно проверить.

– Преступники не могли не оставить следов. Где-то они должны были проколоться.

Они осмотрели бегло подвал, второй этаж и чердак. Везде, кроме подвала негодяи порылись, ища что-то. Но в подвале кроме ящиков с вином, двух мешков картофеля и подвешенной на балке одинокой вяленой свиной ноги с клеймом “ESPANA” не было решительно ничего. Хамон марки “Иберика” привезла в прошлом году Сара Митков из поездки в Марбелью. Тщательно осмотрели с фонариком пол. Ничего. Эксперты тут побывали и тоже ничего не нашли.

Покинув холодный подвал, они вернулись к поискам среди книг и фотографий. Мартин с грустью смотрел на милые сердцу тома энциклопедий с золотыми тиснениями на корешках. Они варварски были брошены на пол, страницы их запачканы и измяты.

Первый альбом с семейными снимками нашелся быстро, в общей куче он лежал на самом верху кучи..

Они устроились на диване, придвинув к нему стеклянный журнальный столик.

– Ты рассказывай все, что вспомнишь, – Якобсен включил диктофон и положил его рядом на диван.

Мартин начал перелистывать страницы и комментировать.

– Первый снимок датирован 1938 годом. Здесь северные маршруты деда – Нарвик, Тромсё. Он все эти места знал и любил. Сотни километров проходил на яхтах и на лыжах. Красота этих мест сказочна, она зовет к себе и зимой и летом. Здесь дед с приятелями, – рыбаками из Нарвика. Их первый улов. На фото вдалеке виднелись заснеженные вершины, а на переднем плане стояли и сидели на корточках мужики с суровыми лицами. Рядом в траве лежало одиннадцать больших рыбин.

– Хариусы, хорошие большие.

Мартин листал альбом дальше и рассказывал.

– 1940, зима, Осло. Здесь дед в компании членов правительства. Это Карл Иоахим Хамбро.

На следующем фото дед на встрече с членами Административного совета, на переднем плане их лидер – Кристенсен.

Следующий лист альбома неожиданно оказался пустым. На месте, где было фото, остался неровный островок оторванной бумаги. На следующих листах остались карандашные пометки 1940 Нарвик, 1940 Тронхейм, Молде, но снимки отсутствовали. Их просто вынули из прорезей в картоне.

Лицо Мартина вытянулось.

– Странно. В прошлом году мы смотрели этот альбом, когда Анна была у нас в гостях летом. Здесь все находилось на своих местах.

– А ты не помнишь, что было на этих снимках?

– Вот на том, которое с мясом оторвали, точно была церковь и гора вдалеке. Все фото подписаны на обратной стороне, если отклеить этот кусочек, то можно будет прочитать. Вот, – он вынул одну из фотографий. На обратной стороне надпись гласила: “1940, Руди. Лиллехаммер”

– Кто такой этот Руди?

– Откуда ж мне знать! Если даже дед и рассказывал мне что-то, это было страшно давно, и я ничего не помню. Разглядеть лицо этого самого Руди не представлялось возможным из-за плохого качества фотографии.

– Этот альбом я заберу как вещдок, думаю, ты не будешь возражать. Разумеется, потом я его верну тебе в целостности и сохранности. Наверное, историков придется подключить. Вот, черт, это дело, чем дальше, тем больше запутывается. А кто-нибудь из военных приятелей бывал у вас в доме?

– Конечно, и не раз. Пять лет назад приезжали сэр Беренджер с сыном, они с дедом очень близки, вместе участвовали в нескольких операциях летом 1940, еще раньше, в 1983 была фру Митков, вдова его лучшего друга генерала Френсиса Миткова, на фотографиях она должна быть, – Мартин на минуту задумался, что-то припоминая. Да, осенью прошлого года она опять была с сыном. Но я сдавал экзамены и их не застал.

– То есть, дом на Хольте-гата знали все или почти все. А кроме этого дома была у деда еще недвижимость?

– Мою квартиру регулярно оплачивал он, с тех пор, как отец уехал. Скорее всего и она являлась его собственностью.

– А на персональном компьютере у него могло быть что-то интересное для грабителей? Они со знанием дела изъяли жесткий диск.

– Вот черт, дед только начал осваивать персоналку. Он и клавиатуру еще толком не знал, не было там ничего ценного.

Часы в гостиной уже показывали 23 часа. Адриан отжал клавишу диктофона.

– Закончим на сегодня, Мартин. Сегодня у всех был длинный день. Охрана пока остаётся около твоего дома, ложись спать. Завтра я приеду во второй половине дня и мы обсудим, что делать дальше. Вот моя визитка, если вспомнишь что-нибудь важное, звони мне в управление.

Тут Мартин вспомнил, что так и не позвонил Анне.

Раздел 5 Якобсен

Адриан пребывал в расстройстве. Мотив преступления никак не вырисовывался, кроме того, действия нападавших выглядели крайне легкомысленными. Сааб приехавший с громкой музыкой, и почти всю ночь простоявший в переулке никак не вписывался в картину событий, связанных с проникновением в дом и всем остальным. Если похищены деньги, зачем пытаться старика? Он мысленно попытался отбросить сааб, как объект, не имеющий отношения к делу. Тогда на первый план выходили другие события, происходившие на улице. Разгрузка стиральных машин, например, кавалькада мотоциклистов.

Ровно в восемь в управление позвонил Ленни Паульсен, и сразу же потребовал к телефону Якобсена.

– Ты представляешь, эта полька долго спала, врач сказал, что такое при сильном шоке вполне возможно, а когда проснулась, заговорила и сразу потребовала полицейского. Дежурный констебль имел при себе диктофон, я позаботился об этом. Она рассказала, как все было. Сейчас я приеду, и привезу запись. Врач считает, что она должна еще побыть в больнице под наблюдением. Охрану я не снял, вдруг кто-то захочет проведать ее?

– Хорошо, лети сюда пулей. Шеф всех в девять утра собирает.

Из записи, полученной в больнице при университете на Согнсванн-свеен:

Дежурный констебль: время 23 часа 15 минут.

Магда: Я буду говорить только с полицейским инспектором.

Врач: больная в состоянии говорить? ты нормально себя чувствуешь?

Магда: я не больна, давай полицейского. Ты инспектор? (к дежурному констеблю): покажи удостоверение. Хорошо (вероятно, изучает документ и значок). Это произошло около десяти вечера. К дому герра Хальворсена подъехала машина с громкой музыкой. Я не видела автомобиль, он остановился в переулке. Доктор послал меня посмотреть, что там происходит. Я заодно решила выбросить мусор, контейнеры у нас на другой стороне улицы. Я всегда разделяю мусор. Было уже темно, и я взяла с собой фонарик. Когда я возвращалась, музыка уже прекратилась, в переулке было темно, видно, машина стояла с выключенными огнями. Как только я подошла к двери и достала ключи, кто-то сзади прижал к моему лицу тряпку, с очень резким запахом. Мне стало трудно дышать, я попыталась вырваться, но он меня крепко держал. Я почувствовала слабость, головокружение. Незнакомец сказал негромко кому-то: давай её в дом.

Успела увидеть только черное лицо и ярко выделяющиеся белки глаз. Я ненадолго потеряла сознание, потом поняла, что лежу в кладовке связанная. Потом я отключилась. Через какое-то время я постепенно стала приходить в себя. Голова раскалывается от боли, руки и ноги стянуты бечевкой очень плотно, я их совсем не чувствую. В гостиной крики. Кричал Хальворсен, ему задавали вопросы, а он молчал или кричал от боли. Запах был очень неприятный. Мне стало страшно. В кладовку заглядывал этот с черным лицом, я испугалась и сделала вид, что я без сознания. Прошло еще немного времени и все стихло. Я долго еще так лежала, а потом ползком стала выбираться к двери кладовой. Потом я увидела Хальворсена, кровь и все такое, поняла, что он мертвый, и еще раз потеряла сознание от ужаса. Я не смогла освободиться от

веревки, и просто перекатывалась к входной двери всем телом, около порога в прихожей попыталась приподняться и упала на каменный пол головой. Дальше полиции все известно. Дверь, наверное, осталась открытой, потому что меня нашли в коридоре.

Дежурный констебль: этот человек с черным лицом, он был темнокожим?

Магда: нет, скорее маска, но было темно. В коридоре свет был выключен, немного света проникало из гостиной.

Дежурный констебль: скорее всего у полиции еще будут вопросы к тебе.

Вошел врач: Заканчивайте!

Далее запись была остановлена.

Торгвальд задержался на этот раз совсем немного. Группа розыска собралась в кабинете Адриана.

– Итак, начал он, Якобсен, какие у нас версии?

– Предположительно, Хальворсена пытали с целью получения некоей важной информации. В доме все перевернуто вверх дном, но похищено немного: органайзер на жидких кристаллах, несколько фотографий из альбома периода 1939–1942 года, жесткий диск из персонального компьютера, коробка с дискетами. Похищены и деньги, но их было немного. Снимки могут быть связаны с транзитом золотого запаса. Этот след проверяется, но никаких явных доказательств нет.

Необходимо собрать полную информацию о людях связанных с этой операцией.

– Так, в чем дело, почему еще не собрали? Торгвальд нахмурился, – прошло двадцать четыре часа, а у нас нет подозреваемых. И версия хромает. Это плохо, Якобсен. Чем вы тут вообще занимаетесь? Я к тому, что время стремительно уходит, и, если преступники не нашли то, что искали, возможны новые жертвы. Если они нашли то, что искали, считай их след простыл.

Вот что, коллеги, уже к полудню вчерашнего дня почти все наши газеты опубликовали на первых полосах сообщения об убийстве Хальворсена, а потому выбора у нас нет, придется организовать пресс-конференцию для журналистов не позднее вечера сегодняшнего дня. Лично я буду присутствовать, и, конечно, пресс-секретарь. Предлагаю Гуннару подготовить ответы для журналистов, а Якобсену не отвлекаться на данную акцию, а сосредоточиться на задачах следствия. Ты не возражаешь, Якобсен?

Адриан в знак согласия покивал.

В помощь Гуннару дадим Хильде Робертсон, она подготовит письменную версию ответов. Шеф отдела посмотрел на Хильде. Он испытывал к этой крупной, крепко сбитой блондинке с волевым подбородком и светлыми водянистыми глазами уважение и всячески старался давать ей ответственные задания. Молодая женщина понимала это и была исполнительной рабочей лошадкой в команде Торгвальда.

Для средств массовой информации и кабинета правительства, – продолжил Торгвальд, – мы должны выглядеть примерно в таком разрезе: у нас есть труп, мы имеем некоторые сведения от свидетелей, но поскольку следствие находится в начальной фазе, говорить о каких-то результатах рано, а о предположениях желательно помалкивать. Но группа расследования, учитывая личность погибшего и его близость к элите нашего общества, понимает масштаб своей ответственности и прикладывает все возможные и невозможные усилия для взятия преступников. Далее мы раскроем прессе некоторые данные, полученные от криминалистов и свидетелей, но, конечно, далеко не все. Это понятно?

Хильде еле успевала записывать за шефом.

Давай вместе еще раз проанализируем имеющиеся у нас факты.

1. Хальворсен приглашен на встречу, это не совсем официальное мероприятие, и оно связывает некую общность близких друзей, их родственников и знакомых. С кем по военным годам он был более всего близок?

2. В аэропорт его отвозит сын. Он вылетает из Гардермуэн в 10:40 во вторник в Лондон. Здесь его встречает... Кто его встречает?

3. Хальворсен заселяется в гостиницу. Кто проявляет к его личности особый интерес? Торгвальд достал пачку увеличенных фотографий предполагаемых участников встречи. Фотографий немного.

4. В среду Хальворсен как-то проводит время до 15 часов, где он побывал до торжественного вечера?

5. После небольшой торжественной части состоялся обед в ресторане той же гостиницы. На обеде приглашенные сидят по четверо за столиками. Кто с кем сидел рядом, кто говорил с Оскаром и о чем? Кто организовал встречу, оплаченную банком «Кори»? Как гости расходились, кто кого провожал? Что делал Хальворсен по приезде домой? Звонки с его телефона проверить. Проверить звонки, поступавшие на него. Ленни, это тебе. Все что связано с действиями Магды. Как преступники вошли в дом, сколько их было. Возможные свидетели, поквартирный обход ближайших соседей, дать срочно объявление, вдруг кто-то что-то видел вчера рядом с домом, где произошло убийство.

6. 7.

8. 9.

10. Расспросить его коллег по университету.

Якобсен не выдержал.

– А что, если это убийство вообще не связано с поездкой в Лондон?

– Лично я не верю в совпадения, – безапелляционно заявил шеф. Квартиру можно было сто раз ограбить во время отсутствия старика, какая-то связь, несомненно, есть, преступники явно охотились за чем-то еще, если они так долго пытались Хальворсена.

– Старые друзья, раньше встречались, пили, ели, вспоминали былые времена. Они знали друг о друге все или почти все. Почему эта трагедия случилось именно сейчас?

– Вот, Якобсен, это и есть ключевой вопрос. Получив на него ответ, мы можем претендовать на зацепку. Ленни уже запросил списки пассажиров рейса Лондон-Осло. Мне кажется, здесь вылезет еще одно совпадение. Он мог хвост за собой притащить.

Пока в Лондон ехать нет смысла. Близкие друзья и родственники обязательно приедут на похороны, и мы воспользуемся этим. Понаблюдай за ними, постарайся найти к ним подход, мы же не имеем право учинять им официальный допрос. Возможно, что-то и всплывет. И еще: не надо забывать о завещании, оно может пролить свет на мотив преступления. Необходимо найти нотариуса или свидетеля. Работай, Якобсен, работай, пока у тебя нет никаких зацепок. Вряд ли ты что-то выдавишь из семейных фотоальбомов. И еще, мне не понравились результаты поквартирного обхода Арвига. Полезной информации никакой. Автомобиль за углом – и что дальше? Переделай, пошли туда Хильде Робертсон. Она старательная девушка, обязательно чего-нибудь раздобудет. Работаем без выходных!

Вечером зал для пресс-конференций был переполнен третьей властью. Даже задние места оказались занятыми. В президиуме с сосредоточенными лицами сидели при полном параде Эйрик Торгвальд, пресс-секретарь управления Хельге Карлсен, Гуннар Арвиг и Хильде Робертсон.

За минуту до назначенного часа Торгвальд проверил микрофон и объявил пресс-конференцию открытой. Кроме того, он предупредил журналистов, что рабочая группа по делу Хальворсена очень загружена, вследствие чего встреча будет короткой.

– Свен Мортен, “Афтенпост”, представился самый шустрый представитель прессы, – какова основная версия полиции по данному делу на текущий момент, что вы предпринимаете?

– По данному делу создана розыскная группа, руководителем которой назначен Адриан Якобсен, один из наших самых успешных следователей, начал Торгвальд отвечать на вопрос с конца. Им выдвинута версия ограбления, причем с применением грубой силы, что и повлекло за собой смерть Оскара Хальворсена.

–”Эстландетс блад”, Юрген Грин, не связано ли это преступление с профессиональной деятельностью Хальворсена в годы Второй мировой войны?

– Я отвечу на этот вопрос, – слово взял Арвиг. Пока нет никаких свидетельств связи преступной группы с национал-социалистическими группировками. Кроме того, прошло слишком много времени для сведения подобных счетов. Торгвальд с благодарностью посмотрел на Гуннара.

– Телеграфное бюро, Карл Бруннер, в момент нападения пострадала женщина, каково ее состояние на данный момент, дала ли она какие-либо показания.

На этот вопрос вызвалась ответить Хельге Карлсен:

– Помощник по хозяйству Оскара Хальворсена Магда Желевска получила незначительные травмы головы, она была госпитализирована, ей наложили шов. В настоящее время она чувствует себя хорошо и находится под охраной полиции. Эта женщина дала нам очень важные показания касательно картины преступления, которые пока являются тайной следствия.

Еще несколько изданий задали ряд совершенно безобидных вопросов, после чего Торгвальд свернул пресс-конференцию, и президиум удалился на свои рабочие места в управление.

Раздел 6

Апрель 1940. Хальворсен

– Этот поезд тащится ужасно медленно, но от немцев мы оторвались, – Кристиан Беренджер достал из вещевого мешка банку тушенки, и начал ее вскрывать ножом.

– Я бы особенно не радовался. Нам предстоит еще перегрузить эти чертовы ящики в грузовики, и двигаться дальше на север. Немцы уже в Нарвике. Случится чудо, если они нас днем не обстреляют со своих “Ю”. Поезд на равнине – отличная цель.

Хальворсен прислушался.

– Мне показалось, или в тамбуре какой-то стук? Кроме нас в вагоне никого не должно быть. Пойди, проверь.

Беренджер оставил консервы и вышел в тамбур.

– Ты кто? Он удивленно уставился на подростка. Мальчику можно было дать лет одиннадцать или тринадцать, его лицо, перемазанное машинным маслом и припудренное пылью, скрывало истинный возраст. Одежда его состояла из промасленной гимнастерки с чужого плеча, грязных мешковатых брюк и тяжелых лыжных ботинок. Мальчугана трясло мелкой дрожью, то ли от страха, то ли от холода.

– Юхан, я тут при железной дороге, вроде как. Помогаю машинисту...

– Полно-ка врать. Как ты сюда попал? Давай, начистоту, а то сейчас возьму тебя за уши и высажу прямо на ходу.

– Я к грузовику прицепился, когда солдаты ящики грузили. Они не заметили, как я под брезент забрался в последнюю машину когда она поехала. Немцы бомбят, деться некуда, я в кузов сиганул, потом, когда перегружали ящики на поезд, я тоннеле отсиделся. Дайте поесть чего-нибудь, а то с голоду просто умираю. Не высаживайте меня.

Беренджер открыл дверь и втолкнул мальчугана в вагон.

– Нет, ты посмотри на этого прохвоста, мало того, что он едет зайцем, так он еще хочет есть.

– Дай ему поесть, Кристиан.

Беренджер достал из мешка еще одну банку тушенки, здоровенный кусок ржаного хлеба и пару вареных картофелин.

Мальчик моментально впился зубами в неочищенную картофелину.

– Стой, так не пойдет! Хальворсен насильно потащил мальчугана к раковине. И лицо мой с мылом!

Юхан неохотно начал намыливать руки и лицо.

– Вот, теперь другое дело, – воскликнул Беренджер, когда парень появился в купе. Его лицо и руки не сияли безупречной чистотой, но уже выглядели намного приличнее.

На спиртовке разогревалась открытая банка с тушенкой, Хальворсен чистил картофелину.

– Ты что, сирота? – задал вопрос Беренджер.

– Дай поесть, – мальчишка уже набил рот картофелем и хлебом, и пытался прожевать.

– Держи ложку и тушенку, – Хальворсен снял с огня банку, и, завернув ее в тряпку, чтобы не обжечься, протянул мальчику. Не торопись, ешь, потом расскажешь, нам еще долго ехать.

Когда с ужином было покончено, они начали устраиваться на ночлег.

– Да, ты парень, я смотрю, немногословный.

– А сигаретку дадите?

– Рано тебе еще курить, давай, рассказывай свою историю.

– Мы с матерью и отцом на побережье жили у маяка близ Кьеррингвика. Мы этот маяк поддерживали и нам платили за эту работу, а еще у нас огород был за домом. Немцы ночью начали обстреливать берег с кораблей, один из снарядов прямиком в наш домик залетел, когда я спал на маяке. Родители погибли сразу, я еле выбрался. Схватил, что сохранилось из одежды и бежать. Кругом грязь, снег, еле добрался до города. Он всхлипнул и вытер нос грязным рукавом.

– А сколько тебе лет?

– Девять, а что?

– И где же ты был все это время?

– На вокзале околачивался. Там один добрый человек из ресторана мне давал еду. Ну, то, что не доедали посетители. Потом меня погнали оттуда, немцы пришли. Все в черной форме, такие важные. Я спрятался в поезде, так и попал в другое место, я даже не знаю, что это за станция. Мальчик снова всхлипнул.

– Ну-ка, снимай ботинки, – приказал Беренджер.

Мальчишка начал неохотно развязывать шнурки. При свете дежурного освещения офицеры увидели очень худые и грязные ноги Юхана с кровавыми мозолями на пятках и костяшках.

– Так, ступай мыть ноги, так и гангрену можно заработать!

Юхан снова поплелся в сортир, а Кристиан пошел в начало вагона.

Порывшись в рундуке проводника, он нашел пару старых стоптанных туфель с круглыми носами без шнурков.

– Вот, носи, – он протянул туфли мальчику, который вошел в купе и переминался босыми ногами, – на первое время подойдут.

– Ну, как, не жмут?

– А ты по-норвежски плохо говоришь. Ты что, англичанин?

– Шотландец. Какое тебе дело?

– Ну, по мне, один хрен, англичанин. А что ты тут делаешь? Я немного учил английский в школе, – Юхан стал считать по-английски, и добравшись до двадцати начал зевать.

Когда мальчик заснул, а это произошло очень скоро, Хальворсен сказал:

– Придется взять с собой парнишку? Я думаю, он нам не повредит.

– Главное, задание выполнить.

– Придумаем чего-нибудь. Жалко мальчика. У меня сын такого же возраста. И когда еще я его увижу?

– Давай, поспим немного, в четыре ночи будем на месте. Находясь на задании, они научились спать дозированно, днем, ночью, лежа, сидя. Утро наступило быстро.

В зашторенные окна сквозь щели пробивался солнечный свет. Поезд шел по высокой насыпи.

Юхан открыл глаза и увидел купе вагона и двух спящих мужчин в полевой форме. Он встал, влез в туфли и вышел в туалет.

Потом проснулся Беренджер. Он подсел к окну и отодвинул шторку. Пылинки взметнулись и заплясали в солнечном луче. Поезд шел по высокой насыпи.

- Оскар, вставай, скоро будем на месте, уже половина четвертого.
- Хальворсен продрал глаза, выглянул в окно.
- Еще долго. Еще километров сто.

– В ваших норвежских названиях черт ногу сломит. Это “О” или “Ё”? А где наш юный пассажир?

- В туалете умывается. Черт, он мое полотенце утащил.
- Мальчик появился на пороге.

– А что это вы везете в этих зеленых ящиках? – задал он вопрос, – в вагоне кроме нас никого?

- Мы везем патроны, гранаты, тушенку и ветчину в банках для армии и флота.
- Врешь, патроны в таких ящиках не возят. Я рядом с этими ящиками в грузовике сидел.

В них ничего не гремело, и они очень тяжелые. Что везете, я интересуюсь?

Это прозвучало так наивно, что офицеры прыснули от смеха.

– Ладно, таможенник, – Хальворсен сделал таинственную гримасу, – мы везем бриллианты, камни разные, сокровища. Ты никому не расскажешь. Это военная тайна.

– Врете, – резюмировал прагматичный ребенок. Хочу ветчину в банке, я как-то пробовал, она вкусная, я знаю, у вас есть.

– Пойдем, так и быть, – Беренджер вооружился гвоздодером, и они с Юханом отправились в соседнее купе. Беренджер вскрыл один из ящиков, и извлек банку с надписью “НАМ”.

- Она, – удовлетворенно заявил мальчуган, – а хлеб есть?

– Есть.

Хальворсен принес кипяток из титана, а сразу же за ним в купе появился лейтенант охраны:

- Радиограмма, срочно.

Беренджер вышел.

– Только что сообщили, что дорога в десяти километрах от этого места разрушена бомбардировкой. Нас будут ждать четыре грузовика, если этого будет недостаточно, придется здесь ждать следующего транспорта. Полотно восстанавливают, если вами будет принято решение продолжить путь в поезде, то это связано с ожиданием около трех часов.

Мальчик, почуяв неладное, начал быстрее уписывать ветчину из банки.

Поезд сделал поворот на северо-запад и сбавил ход. Хальворсен открыл окно и высунулся.

Паровоз с черепашьей скоростью тянул маленький состав вперед. Скоро они остановились.

- Ну, вот, приехали.

Впереди блестела лента реки. Дождя не было, и это радовало. Третий раз перетаскивать весь этот груз под косым ливнем не улыбалось. Беренджер спрыгнул на насыпь, и начал раздавать указания двум охранникам.

– Ты, – Хальворсен ткнул мальчишку в указательным пальцем в грудь, – сиди в вагоне как мышь!

Отвечаешь за сохранность ценностей, никуда не выходи.

Мальчишка осмотрелся – ценностей, вроде никаких не видать. – Мы скоро придем, и скажем, что делать дальше.

Хальворсен покинул вагон. Впереди за насыпью стоял большой грузовик, вторая машина приближалась к поезду по грунтовой дороге с севера.

Солдаты приступили к погрузке. Вся работа заняла не более получаса. Ящики сверху затянули маскировочным брезентом. Часть груза оставалась во втором вагоне, для нее места в машине не хватило.

– Ты уверен, что все правильно делаешь, – спросил Беренджер, кивнув головой на ящики в грузовике, может, все же останешься.

– Думаю, мы ничем не рискуем. Все по инструкции, а главное у тебя. Он мечтательно посмотрел на заснеженные горы, какой вид, давай увековечим этот момент на пленке, – он достал из рюкзака фотоаппарат, расчехлил, и заснял Кристиана на фоне поезда. Потом попросил лейтенанта охраны сфотографировать их вместе на фоне гор.

– Вот, отлично, – он спрятал лейку в чехол, – будет хоть какое-то доказательство, что мы добрались до этого места.

Головная машина засигналила.

– Мне пора.

– Удачи тебе, Оскар.

Хальворсен обнялся на прощание с Беренджером и занял пассажирское место в грузовике, машина тронулась с места.

Раздел 7

Мартин

Полицейское управление пообещало послезавтра доставить тело Хальворсена из морга для прощания в Ураниенборг – кирке. Мартин начал день со звонка в похоронную службу. Он заказал самый лучший гроб из имевшихся в фирме, указав цвет и размеры, Оскар Хальворсена был человеком крупным. Через полчаса прибыл посыльный из ритуального агентства за дедушкиным костюмом и туфлями. Мартин выбрал наиболее темный костюм, дед не любил черный цвет в одежде, предпочитал синие или коричневые тона. Нашелся и подходящий галстук, серебристый в черную косую полоску. Мартину почему-то не хотелось расставаться с этими вещами, они пахли дедом, его туалетной водой. Машинально он проверил карманы брюк и пиджаков. Можно было биться об заклад, преступники и эксперты тут не копались. Вот, какая-то картонка, билет в метро, наверное, старый. Не разглядывая, он положил его в карман рубашки. Посыльный убыл и Мартину стало совсем тоскливо. Начало горькой стези похорон. Теперь ему предстояло встретиться с пастором, позвонить друзьям деда. Мартин достал свою записную книжку, в которой перед вылетом в Лондон Хальворсен предусмотрительно записал телефоны Кристиана Беренджера, Юхана Смолвилля и Сары Митков. Конечно, были тут и другие номера, но им, конечно, передадут. В Осло многие придут проститься с дедом.

Он вышел из дома, и направился в сторону церкви, которая находилась всего в десяти минутах ходьбы от дома. Констебль, несший службу, выглянул из окна автомобиля и приветствовал молодого человека, помахав рукой. Мартин ответил ему кивком головы, и ускорил ход. Холодный ветер насквозь продувал Хольте гата. На улице около портала церкви оказалось вовсе безлюдно.

Даже постоянно сидящий у входа одноногий старик Лукас покинул свое место, чтобы пропустить стаканчик, или выпить кофе в забегаловке на другом конце улицы.

Мартин вошел в церковь и огляделся. Никого не было видно, утренние лучи солнца играли в витражах, освещая пустые скамьи цветными пятнами. Интерьер церкви, в меру скромный и в то же время величественный, располагал к размышлениям на духовные темы. Он прошел через главный неф, несколько минут любовался фигурами святых и распятием, а затем сел в переднем ряду и стал ждать. Вскоре раздались шаги, и в проходе появился пастор. Мартин много раз встречал на улице этого священника, а в Ураниенборг-кирке, к стыду своему, не бывал с самого детства.

– Здравствуй, сын мой, что привело тебя в этот неурочный час?

Мартин представился и рассказал о кончине деда.

Отец Густавсон оказался человеком очень приятным и обходительным. Он выразил искренние соболезнования юноше.

– Мы все любили твоего деда, он был удивительно талантливым художником и ученым. Он многое сделал для этой церкви. Оскар после войны занимался реставрацией мозаичного панно, – пастор указал на фигурки ангелов. Он иногда забывал про еду, и только, когда за ним приходила Ребекка, отвлекался от работы. Венчались они в этой церкви, тогда еще был жив отец Бауэр. Конфирмация твоего отца прошла здесь, когда я уже принял приход. Гедеон придет на похороны?

– Он уже в пути, отец Густавсон. Я весь в раздумьях, прошу помощи. Как лучше устроить прощание?

Наверное, многие захотят проводить его в последний путь.

– Мы все сделаем, Мартин. А какую музыку любил Оскар?

– Он многое любил. У него была коллекция классики, ему нравились и Моцарт, и Бах. Он любил шотландскую музыку, их старинные песни, арфу. Если дед рисовал, он включал что-нибудь с повторяющимся мотивом. Тогда его фантазия лучше работала. А как насчет органной музыки?

Наверное, Бах подойдет.

– Да, Мартин, у нас новый молодой органист. Он родом из Риги. Талантливый парень. Да, ты же должен выбрать псалмы, которые прозвучат, – Густавсон протянул Мартину книгу.

– Боюсь, без подсказки мне не разобраться.

– Я бы рекомендовал включить в торжественное прощание 295 и 297 псалмы. Молодой человек заглянул в псалтырь и дал свое согласие.

Они некоторое время провели в духовной беседе, которая несколько успокоила Мартина и вселила в него уверенность, что похороны пройдут достойно.

Он вернулся домой, дежурный констебль по-прежнему сидел в машине и читал книжку. Мартин открыл калитку и подпер ее кирпичом, чтобы гости могли пройти по дорожке непосредственно к дому. Так делал всегда его дед, если на праздник собиралась семья или компания друзей. Только праздника не было.

К обеду приехал из аэропорта отец.

– Марти, какой ты большой! Ты перерос меня! Лучше бы мы встретились по другому поводу. Эх, Оскар, Оскар, как же так вышло. Будто кто-то накликал эту беду. Ты так привык уже к старике. Как твоя учеба, диплом скоро, ты успеваешь?

– Беду никогда не ждешь.

Он много и несвязно говорил, а Мартин даже слова не мог вставить. Он не переставал удивляться. Его отец из молчаливого северного человека стал совсем южным, по темпераменту, и по смуглому цвету кожи.

– Пойдем, присядем на кухне, нам с тобой многое надо обсудить.

Отец достал из прозрачной упаковки “Duty Free” бутылку “блэк лейбл” налил себе и Мартину.

Гедеон выпил и тут же налил себе еще, Мартин сделал один глоток и отставил свой стакан.

– Знаешь, он писал мне иногда, рассказывал о тебе. Писем было немного, я привез их. А я не люблю писать тексты, слог мой никак не складывается, мысли не переходят в строчки.

– Отец, я был только что в кирке. Прощание назначено на послезавтра в одиннадцать часов.

Сегодня знакомые и друзья начнут собираться. Я думал, что можно после похорон с близкими друзьями собраться в доме. Вино в кладовке, ящика два найдется, есть белое и красное. Будет много гостей или нет, трудно сказать.

– У тебя деньги есть на первое время?

– Есть, ты ведь, мне перевел, есть и наличные. Но я уже потратился. Полиция, скорее всего, ускорит раскрытие завещания. Инспектор Якобсен захочет с тобой переговорить, у него куча вопросов.

Почему твоя жена не соизволила прибыть, – в голосе Мартина звякнула нотка обиды, – я думаю, это неправильно.

– Мари Лу не любит летать на самолете, зато Сильвия приедет. Ты будешь рад своей биологической матери?

– Ты что, общался с ней?

– Она нашла меня и позвонила, когда узнала о смерти моего отца. Папа, кажется, боготворил её, но это не помешало ей в одночасье покинуть наш дом.

– Он мне рассказал, что ты увлекся другой женщиной.

– Сильвия могла бы и не устраивать скандал из-за пустяков.

– Но это тянулось три года!

– Дед сгустил краски. К чему все эти разбирательства сейчас? Мы встретились вовсе не для того, чтобы выяснять отношения, которых давно нет.

Мартин выплеснул остатки виски из своего стакана в раковину, вымыл его и убрал.

– Пап, мне нужно сделать еще несколько звонков. Если ты устал с дороги, устраивайся на втором этаже, поспи.

Мартин почувствовал действие алкоголя, к нему примешивалась горечь от обиды, ревности. С дедом всегда было все просто и хорошо. Наверное, он никогда не изменял своей Ребекке, был верным долгу, государству и королю. А вот отец... Покинул дом ради какой-то азиатки, которой приглянулись его статус и деньги.

Он набрал телефон нотариальной конторы, что находилась на пятом этаже здания окружного суда на Театер-гата. Трубку взяла секретарша.

– Нотариальная контора Зелински.

– Добрый день, меня зовут Мартин Хальворсен, могу я поговорить с герром Зелински?

– Герр Зелински сейчас занят с клиентом, он перезвонит по этому номеру, как только освободится.

Боковым зрением Мартин увидел, как серебристый гольф остановился на улице около их дома.

Кто бы это мог быть? Если детектив, то он выбрал неудачное время.

Раздался звонок. Он открыл задвижку, на пороге стояла невысокая по его, Мартина меркам женщина лет пятидесяти в коротком изящном пальто и голубой косынке. В руке она держала зонт в виде трости, а через плечо был перекинут тонкий ремешок сумочки-клатч.

– Сильвия?!

– Мартин, это ты? Да, ты просто Гулливер, – она сказала это таким тоном, будто уезжала на пару лет, а теперь удивилась, как сын подрос. Сильвия оставила пальто и зонт на вешалке в прихожей на вешалке из оленьих рогов, и прошла в гостиную.

Теперь он лучше разглядел эту даму.

На ней был строгий темно-серый брючный костюм, подчеркивающий стройность фигуры.

Пепельно-серебристые волосы коротко острижены, лицо такое же, как на картине, потрясающе красивое, но с заметной сеточкой морщин. Сильвия с ностальгией осматривала гостиную, и его, Мартина. Они не заметили, как сзади подошел отец с зубной щеткой в руке.

– Сильвия? Как ты доехала? Ты одна, или с мужем?

– Я одна. Нормально доехала. А ты сильно изменился. Я остановилась в отеле на Конгенс-гата.

– Почему не здесь? Проходи, я сделаю кофе, ты не голодна?

Мартин с удивлением смотрел на родителей сверху вниз. В его сознании никак не укладывался факт их совместного присутствия в дедовом доме. Мать, действительно, оказалась

похожей на ту женщину с собачкой на картине деда, имевшей успех в выставочном зале на Альбин Упп. Слова невольно вырвались из него:

– А собачка? А где твоя собачка?

Этот вопрос привел его мать в замешательство.

– Марти, наверное, имеет в виду ту картину, – влез с комментариями отец.

– Эта картина еще жива? Она в доме? Марти, понимаешь, никакой собачки на самом деле не было.

Это всего лишь очередная выдумка, фантазия Хальворсена. Он говорил, что надо чем-то занять мои руки в этом сюжете, только и всего. Художественный вымысел, ах, даже если бы та собачка существовала, то, наверняка она уже давно бы сдохла от старости. Можно будет потом взглянуть на эту картину?

Отец переоделся в домашний халат деда и появился в гостиной уже побритый и причесанный. Он и не думал ложиться спать, а сразу потащил Сильвию на кухню. Зашипела кофемашина, отец с матерью затеяли какой-то бестолковый разговор о политике, о деньгах. Это не нравилось Мартину.

Черт возьми, они как будто и не расставались на двадцать два года, эти родители. Бросили его, как надоевшую игрушку и разбежались кто куда. И зачем они тут сейчас. Проводить деда в последний путь приехали, или только ознакомиться с завещанием? Потом он услышал, как отец снова наливает себе виски, достает из холодильника лед.

Раздел 8 Якобсен

На обед полицейский следователь Якобсен обычно заезжал домой. Квартира его находилась вблизи Национального музея архитектуры. Отсюда до окружного суда, где находилась нотариальная контора было рукой подать.

В отличие от своих коллег Адриан предпочитал больше времени проводить в кругу семьи, особенно, если это был обед. Дома его ждала верная Ингрид, обеспечивающая тыл детектива и участвующая почти во всех его расследованиях. Ингрид была крупной миловидной тридцатилетней блондинкой с голубыми глазами. Ростом она была выше Адриана на полголовы, и это очень нравилось следователю. Он безумно любил свою молодую женушку, слегка расположенную к полноте, и души не чаял в их четырёхлетнем сынишке Александре.

– Что у нас сегодня на обед?

– Суп с клецками и драники с курицей, как ты любишь.

– Отлично! Я выкроил время чтобы побыть с вами. Он тщательно вымыл руки и уселся за обеденный стол.

– Папа, папа. я построил дом, – в гостиную вбежал Александр.

– Я обязательно посмотрю, что у тебя получилось.

– А ты купишь мне башенный кран Лего? Я хочу. Я все утро думал, как он поможет мне построить высотный дом.

– А ты обедать со мной будешь?

Александр поморщился, – я суп не хочу!

– Твой сын сегодня плохо завтракал. Вообще он ничего не ест, и меня это беспокоит, Адриан. Ты балуешь его. Не надо ему покупать дорогие игрушки!

– Надо, надо, – загундосил Александр и завертелся на месте от волнения. Я ем, я буду есть. Давай свой суп. И овсянку я буду, но не каждый день.

– Ах, ты хитрец, – Ингрид поправила бретельку на его плече, – если будешь плохо есть – не вырастешь, останешься таким маленьким навсегда, и штаны с тебя будут сваливаться.

– Дорогая, тебе что-нибудь говорит фамилия Зелински?

– Адвокат Зелински, что-ли? Когда я работала в окружном суде, он держал свою контору в то же здании на пятом или четвертом этаже, сейчас не помню. Алекс, ешь суп, не вертись!

После обеда Адриан пять минут посидел в кресле с газетой, а потом поцеловал Ингрид, надел плащ и вышел на улицу. Дождь почти прекратился, тротуары сияли в лучах пробивающегося сквозь тучи солнца. Теперь можно было полностью погрузиться в работу. Зелински. Фамилия казалась знакомой, где же он мог пересечься с ним. А не тот ли это адвокат, который в 1986 году представлял интересы подозреваемого в ограблении на Маргит Хансенс? Нет, вроде, у того фамилия была не славянская. Точно, Зильберт. Надо будет завести домашний компьютер и начать все записывать.

Около 14 часов он вошел в здание окружного суда и поднялся на лифте на пятый этаж. Пройдя метров десять по коридору в сторону левого крыла, он обнаружил дверь нотариальной конторы Зелински. В маленькой приемной за пишущей машинкой с надписью “Оливетти” работала секретарша. Она на минуту прервала свой труд, и поверх полумесяцев очков глянула на посетителя:

– Герр Бергхольм? Зелински просил перенести вашу встречу на 18 часов.

Якобсен протянул свое удостоверение.

Герр Якобсен, прошу прощения, нотариус сейчас подойдет, он ... Она не успела договорить, как в приемную стремительно вошел маленький лысый человечек с папкой из крокодиловой кожи в руке.

– Прощу, – он открыл своим ключом дверь в кабинет, и впустил гостя.

Адриан занял кресло у стола, а человечек убрал папку в стол и устроившись на своем рабочем месте, воззрился на инспектора. Они тут же узнали друг-друга. Якобсен вспомнил, как в 1983 году выступал в суде свидетелем по делу об убийстве журналиста, а этот адвокатик защищал двоих отморозков наркоманов. Одному из них тогда удалось отвертеться от наказания.

– Так, чем я обязан нашей доблестной полиции? Он даже не поинтересовался удостоверением Адриана.

– Я по делу Хальворсена, – начал без предисловий Якобсен. Насколько мне известно, завещание этот славный гражданин нашего города оформил у вас?

– Может, да, а может и нет. Насколько я понимаю, ордера на этот счет у полиции не имеется.

– Тебе нужен ордер? Сейчас я спущусь на второй этаж к судье, он позвонит премьеру, я вернусь с ордером и начну тебя трясти как грушу. Нет, я вызову тебя сегодня в управление и продержу там ровно столько, сколько сочту нужным. Ты понял, что это дело на контроле у правительства?

Маленькие глазки нотариуса забегали. В это время по интеркому секретарша сообщила, что звонит внук Хальворсена.

– Передай, что я сам перезвоню ему.

– Вот и ответ на первый вопрос.

– Я не имею право предоставить доступ к завещанию до похорон. Но мы можем встретиться завтра во второй половине дня и решить все вопросы. Но лучше это сделать после поминок. Я готов пойти навстречу следствию и раскрыть завещание после похорон ранее установленным клиентом десяти дней, если будет ордер.

– Хорошо, будет тебе ордер, звони Мартину Хальворсену и договаривайся на завтра. Помоему, родственники и друзья прибыли из дальних краев не для того, чтобы торчать здесь две недели. Прощу поставить в известность всех лиц, упомянутых в завещании сегодня же.

На этом переговоры с крючкомвором Зелински были закончены, и, ругая себя за мягкотелость и уступчивость, Якобсен покинул нотариальную контору.

Вечер он провел за составлением списка возможных фигурантов по данному делу. Он сделал несколько звонков, получил информацию от Паульсена о пассажирах, прибывших рейсом из Лондона вместе с Хальворсеном, переговорил с Мартином. Пока ничего интересного не вырисовывалось. Ни одна фамилия не привлекла его внимания. Он вновь расставил все события того злосчастного дня с вечера до шести утра, еще раз прослушал показания Магды и просмотрел отчет экспертов. Решительно, что-то начнёт проясняться после оглашения завещания. Во всяком случае, информации будет больше. Неужели, кроме Зелинского, в этом деле его пока никто не раздражает? Сегодня должны были приехать не только родственники Хальворсена, о которых упомянул Мартин, но и друзья. Надо было сделать передышку и с новыми силами тщательно проверить каждый факт и каждого фигуранта.

Его мысли переключились на Алекса, усталое лицо посетил подобие улыбки. Адриан вспомнил про башенный кран “Лего” и стал собираться домой. Он вполне успевал до закрытия “Гласмагазинет” и решил поторопиться. Адриан надел плащ, в голове все еще крутились фамилии членов семьи Хальворсена и его британских друзей. После похорон он пойдет в архив и поднимет там всё про транзит ценностей. Наверное, есть и секретные документы, регламен-

тирующие действия участников процесса перемещения, все это нужно будет раздобыть, заручившись поддержкой премьера. Но это уже только через шефа.

Раздел 9

Хальворсены

Ночью перед похоронами Мартин спал скверно. Отец, мучимый сменой времени, и жаждой после выпитого, ходил по всему дому, гремел стульями, пил воду и звонил по телефону в Австралию. Начало светать, юноша ворочался с боку на бок, спать уже не хотелось. Нахлынули тяжелые мысли об убийстве деда, о том, что негодяев, скорее всего не найдут. Тупые и прямолинейные действия полицейских наглядно доказывали это. Наконец, когда поднялась нестерпимая боль в голове, молодой человек принял вертикальное положение. Обычно это помогало. Мартин умылся ледяной водой и направился в кухню. На часах было еще только четыре часа утра. Он убрал пустую бутылку из-под виски, вымыл кофейные чашки. Сегодня должна прийти Магда, она уже оправилась от потрясения и обещала Мартину помочь в организации поминок. Он не знал, как дальше быть с этой женщиной, оплачивать услуги экономки и прислуги ему было не под силу. Да и кому она теперь будет служить, после всех формальностей с похоронами и завещанием ему надо возвращаться в Берген и делать диплом. Придется оставить ее без работы. Плохо. В голове завертелись какие-то детали расследования, неясно очерченные полицейским чиновником. Он только задавал вопросы, а Мартину в результате яснее не становилось. Закипел чайник, он бросил в чашку пакетик липтона и пару кусков сахара. После чая голова начала приходить в норму.

К семи утра приехала на такси Анна и сразу же включилась в работу. Она убрала в гостиной все лишнее, раздвинула обеденный стол, постелила новую скатерть.

Мартин опешил:

– Ты погоди, Магда же сейчас придет!

– Ничего, мы с ней обговорим как все устроить на поминках, чего не хватает, купим. Тут где-то рядом магазин?

– Да, супермаркет “Рема 1000”. Там есть абсолютно все, Магда справится, а ты поедешь со мной.

К одиннадцати часам они были у церкви. Народ собирался. Мартин узнал среди пришедших следователя Якобсена, Сару Митков и Кристиана Беренджера. Высокий светловолосый джентльмен лет тридцати, вероятно, был сыном Сары. Остальная публика была ему незнакома.

Магда остановилась на ступеньках при входе в портал и негромко прочла по-польски молитву.

Потом она на несколько секунд согнулась в низком поклоне.

Внутри как обычно было все строго и торжественно. Гроб стоял в глубине нефа посередине, а по бокам все пространство занимали цветы. Родственники и знакомые прибывали и зал быстро заполнялся.

Дед лежал в гробу и был узнаваем, но легкая гримаса боли присутствовала в его лице. Отец вцепился в руку Мартина, по его щеке скатилась на пол слеза. Мартин будто впал в транс, не замечая никого рядом. Бледная Анна повисла у него на плече.

Отец Густавсон приветствовал Гедеона и Мартина поклоном, они ответили ему тем же и заняли свои места в первом ряду. Сильвия тоже находилась в первом ряду, но по другую сторону прохода. Она о чем-то негромко беседовала с дамой, сидящей слева. За ними расположились Кристиан и Сара, Мартину они были почти не видны. Лишь в пятнадцать минут двенадцатого появились люди из аппарата премьера, уполномоченные проводить бывшего коллегу в последний путь. Теперь можно было начинать прощальную службу.

Пастор взошел на кафедру и в это время зазвучал орган. Его звучание медленно всплыло в сводах Ураниен, померцало переходами Букстехуде, а потом также плавно затихло. Густавсон произнес речь. В его выступлении не было ни лишнего пафоса, ни капли напыщенности. Он говорил об ушедшем человеке, славил человеческие ценности, любовь, искусство, духовность.

В рядах сидящих сзади людей кому-то стало плохо. Мартин обернулся и увидел как одну из женщин выводят из на свежий воздух. Затем слово взял генерал Беренджер. Он вспомнил славные дни сопротивления, спасение государственности, отпор фашизму и прочее. Говорить торжественные и скорбные речи Кристиан за долгие годы, видимо, научился. Потом еще много чего было сказано в коротких выступлениях мужчин и женщин, знавших Хальворсена.

Гроб погрузили в катафалк, процессия двинулась в сторону кладбища.

Анна дернула его за рукав:

– Это ты гроб заказывал?

– Я, а кто же еще? Все только вчера к вечеру начали подъезжать.

– Дорогой, наверное. Из красного дерева? Зачем, все равно сожгут. Он бы не одобрил.

– Ладно, не все ли равно. Это не красное дерево, канадский кедр. Вечно ты со своей прагматичностью! Тут люди из правительства, ты не в курсе?

– Тем более, могли бы и помочь средствами, между прочим. Она села на пассажирское сиденье “амазона” и закрыла дверь.

Отец с матерью ехали впереди на машине Сильвии. Сзади на арендованном черном мерседесе ехали генерал с приемным сыном и Сарой Митков. Пошел дождь, и когда кортеж достиг крематория торжественную часть перед входом сократили до минимума. Потом Мартину стало плохо. Бессонная ночь и волнения дали себя знать. Они еще долго ждали очереди в крематории, затем, наконец процессию пригласили в зал, где состоялось прощание с дедом. Люди из аппарата премьера на поминки с родственниками и друзьями ехать не желали, вручили пухлый конверт с деньгами от муниципалитета и откланялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.